Елена Васильева рассказала, как ей удается распутывать убийства и выводить преступников на чистую воду

Расследования убийств и погони за преступниками долго время считались сугубо мужским занятием. Действительно, легче представить, как допрос ведет серьезный следователь, нежели привлекательная девушка. Однако **следователь следственного отдела по Ленинскому району Иркутска СУ СКР по Иркутской области, майор юстиции Елена Васильева** беспощадно разрушает стереотипы — несмотря на миловидную внешность и мягкий голос, она наравне с коллегами-мужчинами выезжает на места преступления, допрашивает убийц и удачно расследует запутанные преступления, в том числе и прошлых лет. Секрет ее успеха прост — она просто очень любит свою работу. Путь от молодой студентки к профессионалу — в материале ИА IrkutskMedia.

Елена Алексеевна трудится в Следкоме с августа 2009 года. Ее папа — военный, мама — воспитатель. В семье юристов никогда не было, но девушка все время интуитивно чувствовала,

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

что хочет быть следователем и заниматься именно этой работой. Она училась в гражданском вузе на факультете "Право" и целых 5 лет ходила общественным помощником в прокуратуру по надзору за милицией. Тогда и поняла, что видит себя на должности следователя — девушка очень трепетно относилась к уголовным делам, огромные тома с подробным расследованием холодящих душу преступлений были для нее чем-то завораживающим.

Уголовное дело. Фото: Юлия Ушакова, ИА IrkutskMedia

— Когда только начинаешь чему-то учиться, то идеализируешь представление о работе. Каким было ваше первое дело и какой отпечаток оно наложило на дальнейшую карьеру?

— Во время практики я была общественным помощником в прокуратуре, поэтому только со стороны видела, как работают следователи. Первое мое соприкосновение с их работой было именно тогда, когда меня назначили следователем. Мне всего 22 года и начинаю свой путь в Бодайбо. Помню, я только приехала, а мне сразу же с самолета сказали, что нужно выехать на место преступления. Выдвигаемся. Заезжаем за судмедэкспертом, и когда она меня увидела, сказала: "Ребенок же, е-мое" (смеется). Развернулась и ушла. А потом-то поняла, что из этого "ребенка" вырос настоящий следователь.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

Елена Васильева. Фото: Юлия Ушакова, ИА IrkutskMedia

Однако в остальном меня очень хорошо встретили. Во второй половине дня мы поехали на происшествие за 300 км от Бодайбо на несколько дней, поскольку нужно было отработать все на месте преступления. И вот ты едешь неизвестно куда, в новой для себя должности, с незнакомыми людьми — и ты одна, мамы с папой рядом нет, молодая девушка. Но у меня были боевой настрой и целеустремленность, так что я решила так: если после этой первой поездки мне будет тяжело или что-то пойдет не так — я не на своем месте

Но все прошло идеально, этот опыт был чем-то невероятным, несмотря на страшное преступление — убийство мужчины по неосторожности. Якут нечаянно застрелил товарища, когда перезаряжал ружье. Помимо того, что это было мое первое уголовное дело, преступление запомнилось тем, что у обвиняемого не было документов, удостоверяющих

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

личность. Вплоть до отсутствия даже свидетельства о рождении. Он был представителем малочисленного народа, который далек от цивилизации — люди ездят на оленях, охотятся, ловят рыбу.

Я занималась восстановлением документов. Приходилось поднимать архивные журналы именно этого населения, искать свидетелей, которые бы составили родословную моего подозреваемого. Это было очень интересно и единожды в моей практике.

На восстановление документов ушло не менее двух месяцев из-за бюрократических моментов. Слова к делу не пришьешь — у нас должно быть все по бумагам. ЗАГС помогал, паспортный стол, администрация поселения. Были подняты старые дела и таблицы. В целом в Бодайбо я проработала два года. В основном расследовала тяжкие и особо тяжкие преступления. Специфика криминогенной обстановки в городе в том, что туда часто едут работать старатели, в том числе небольшой процент ранее судимых лиц. При работе в артелях сотрудникам не разрешают выпивать. И когда они выезжают с полученной зарплатой, то начинают веселую жизнь. Гуляют, слово за слово… Есть у ранее судимых определенный сленг, который нельзя употреблять. А пьяные люди, даже несудимые ранее, часто вступают в конфликты — и на этой почве совершаются убийства и другие тяжкие преступления.

Не раз я задавала вопрос своим подозреваемым, обвиняемым: "Вы же знали, что, находясь на условно-досрочном, условном сроке или если ранее отбывали наказание, совершая преступление, опять будете нести наказание, еще и усугубите его?" На что они отвечают: "Пусть я буду лучше сидеть, чем ходить оскорбленным". Вот такие "нежные натуры".

Когда я работала в Бодайбо, в основном были убийства по ст. 105 и 111. И если преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, мы можем отнести к бытовым, то были еще и эпизоды, связанные, например, с золотом. Или разборками между криминальными лицами.

Следователь за работой. Фото: Юлия Ушакова, ИА IrkutskMedia

— В вашей практике было такое, что вам во время ведения какого-то дела могли угрожать заинтересованные стороны?

— Прямых угроз мне никогда не поступало. Я все время старалась работать по справедливости. Совершил преступление, виноват — признавайся. Не признаешься — значит, моя задача выяснить — ты это сделал или нет. То есть восстановить истину. Задача моя — не посадить кого-то, а именно разобраться в ситуации. Может, в силу моей внешности — тогда еще была помоложе, понаивнее — в силу моего голоса, но мне все сознавались в совершенных

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

преступлениях. И руководитель мне постоянно говорил: "Почему они тебе все время пишут явки с повинной? Я не понимаю, ты как с ними так разговариваешь". Разговариваю просто по-человечески. Люди понимают, что признание вины, явка с повинной смягчают наказание.

— Возникает ли человеческая неприязнь к преступнику?

— Если следователь будет проявлять эмоции, то не сможет принять правильное решение. А речь ведь идет о судьбе человека. Нальешь чай, дашь покурить. Во время допроса человек нервничает, волнуется. Особенно те, кто раскаивается, потому что для него это горе и большая беда — осознание совершенного злодеяния. Человек может быть признан виновным только судом. Я не имею право говорить: "*Вы виновны*". Я говорю: "*Я Вас подозреваю".*

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

Следователь за работой. Фото: Юлия Ушакова, ИА IrkutskMedia

— Вы — привлекательная молодая девушка — пришли в такую профессию. Много женщин работают в органах следствия, но все-таки профессия считается мужской. Когда вы пришли работать, столкнулись ли с предвзятым отношением?

— Да, столкнулась. Когда начинала работать, меня всерьез в первый месяц не воспринимал никто: ни участковый, ни сотрудники уголовного розыска, ни начальники подразделений. Меня просто игнорировали. Тут уже приходилось проявлять характер и доказывать свой профессионализм. Так и появляется авторитет.

Однако до сих пор люди не всегда верят, когда я звоню по телефону и говорю: "Здравствуйте, я — следователь. Пожалуйста, придите на допрос". Могут вести себя грубо, сбрасывать звонок. А потом приходят и краснеют: "Вы свой голос слышали по телефону? Как будто позвонил ребенок и разыгрывает".

— Расскажите про первый увиденный труп. Как относитесь к тому, что работа следователя неразрывно связана со смертью людей?

— Когда я обозначила отцу, что хочу быть следователем, он сказал: "Лена, ты молодец, я тебя поддерживаю. Но ты должна понять, выдержит ли эту профессию твой организм, поэтому сходи в морг. Если выдержишь, воспримешь адекватно, без каких-то моральных, психологических последствий, то специальность тебе подходит". Сказано — сделано.

Криминалист на учебе организовал для нашей группы поход в морг на вскрытие. Неприятно было.

Я открыла то, что раньше никогда не видела, осознала конечность человеческой жизни в реальности, ведь в повседневности с этим ни разу не сталкивалась. Неестественный цвет кожи у трупа, специфический запах, реакция людей, которые там работают и воспринимают все в порядке вещей — это бросилось мне в глаза и запомнилось, произвело большое впечатление.

Специалисты там очень уверенные, сильные морально, физически, психологически. Реакция моего организма была нормальной — у меня не было головокружения, в обморок не хотелось упасть. И теперь работа с телами для меня как для вас взять интервью. Да, труп. Надо

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

осмотреть и дальше работать.

— Перейду к самому интересному. Расскажите о самых жутких преступлениях, которые даже у вас как у профессионала, видавшего виды, вызывали неподдельные эмоции. Даже в вашей работе есть своеобразная рутина. Те же самые бытовые убийства по пьяни — это плюс-минус рутинная работа. Но есть преступления с особой жестокостью. Сталкивались ли с подобными?

— Конечно, есть уголовные дела, которые запоминаются. Изначально было преступление: очевидец видел, как мужчина ударил другого мужчину, от чего у того была черепно-мозговая травма, и он впоследствии умер. Когда дело направили в суд, обвиняемый отказался от своих показаний, указав, что виноват тот самый очевидец. Стали искать этого свидетеля, чтобы он подтвердил свои показания, данные на следствии, и не могли найти месяца три — будто испарился. В итоге обнаружили его расчлененным металлической пилой на много частей в мешке на балконе. Пролежал с поздней осени до весны — потом потеплело, стала капать кровь, соседка снизу вызвала участкового. Осматривали мы эти останки часов шесть — нужно расписать каждый разрез, каждый кусочек тела. Оказалось, что убили свидетеля в пьяном угаре.

Дело, на чем я, можно сказать, научилась всему — без вести пропавший молодой человек. Его умышленно вывезли в лес и убили. Цель — завладение имуществом. У его мамы в Иркутске две квартиры и частный дом в Октябрьском районе. Из семьи только мама, бабушка и этот парень. Бабушка умерла в силу возраста, молодого человека похитили, а с его мамой хотели подстроить так, будто она покончила жизнь самоубийством. И наследников на жилье бы не было.

Главная сложность была в том, что брат одного из преступников долгое время работал следователем прокуратуры — был настоящим специалистом. Злоумышленники несколько лет планировали убийство всей семьи. Начали с молодого человека. Помогли ему взять кредит под очень большой процент, увозили в другой город — то есть, они ему создавали определенную историю, прецедент составляли, что он уже ранее уходил. Завозили ему там девушек, алкоголь. Это было очень грамотно спланировано. Ведь когда поступает материал по без вести пропавшим, следователь в первую очередь задает вопрос: уходил ли ранее пропавший или нет, были ли у него причины скрыться.

Снимки с места преступления. Фото: Юлия Ушакова, ИА IrkutskMedia

Парню был 21 год. Добрый, наивный, всем верил. Его вывезли в лес якобы на шашлыки, ударили по голове, задушили и закопали там же на месте. После этого убийцы говорили, что

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

высадили его на остановке. Предоставили очень много свидетелей, которые видели, как он действительно вышел, а на самом деле парень уже был убит. Преступники делали все, чтобы следствие шло по ложному следу. В процессе расследования они создавали такие условия, что он якобы звонил маме и говорил: "Я попал в ДТП, отрабатываю долг". А мама любой голос примет за голос своего сына, ведь хочет, чтобы он был жив и здоров.

Кроме этого, убийцы тщательно за мной следили: кого вызываю на допрос, что я спрашиваю, подсовывали лжесвидетелей. Они взяли телефон потерпевшего, и он совсем в другом городе якобы вышел в эфир. Мне приходилось ехать, искать следы — мы не исключали факт, что парень живой, и, имея большой долг перед банком, где-то просто прячется. Мои руководители отрабатывали несколько версий. В итоге пришли к тому, что речь идет об убийстве. Задержали подозреваемых, через какое-то время следственных действий они сознались в содеянном, однако долго не показывали, где спрятали труп. Этот брат, который работал в прокуратуре следователем, научил: "Нет тела — нет дела. Вы должны все выдерживать, только не показывайте место". Сейчас преступники уже понесли наказание.

Фемида. Фото: Юлия Ушакова, ИА IrkutskMedia

— Каким было самое страшное место преступления в вашей практике?

— Любое преступление, связанное с детьми. Однажды я выезжала в квартиру, где покончил с собой маленький мальчик. Всю ночь работала на месте преступления. Когда села в машину, дала волю эмоциям. Весь подъезд вышел провожать ребенка, все плакали. Хоть я и не показывала, но мне было тяжело. Мы ведь такие же люди.

Непросто и по другую сторону — дети жестоко убивают. Озлобленные, у них нет сочувствия. В основном из неблагополучных семей. У меня было дело в производстве — группа подростков трижды убивала мужчину. Сначала забили, потом резали ножом. Но он все еще подавал признаки жизни. В итоге перерезали несчастному горло.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

Мотив — телефон за 16 тысяч. На допросах несовершеннолетние ведут себя дерзко и нагло. Привлекаем психологов, педагогов, чтобы грамотно вести диалог.

— А в вашей практике были убийцы-женщины? Они отличаются поведением, степенью раскаянья от мужчин?

— Да, преступления, совершенные женщинами, могут отличаться. Другой характер нанесения ножевых ранений, например. В моей практике женщин-убийц было три. Одна была наркоманкой, и в паре со своим сожителем убила доцента физико-математического факультета госуниверситета, чтобы его ограбить. Квартиру и труп сожгли.

Была еще одна, можно сказать, драматическая история. Убийство двух мужчин совершили мужчина и женщина. Если бы жизнь направила их в актерское русло, они бы достигли очень больших высот — такие красивые речи вели на допросе, так хорошо "играли". Но реальность такова — неблагополучные, молодые, не работали, очень много выпивали. Опустившаяся девушка поконфликтовала с двумя взрослыми братьями. После специально встретилась с мужчиной, который стал за ней активно ухаживать. Тоже неблагополучный, выпивоха. За несколько суток у них развился невероятно бурный роман, как в "Руслане и Людмиле" (6+), — это они мне рассказывали на допросе.

И так она ему преподнесла свою обиду, что кавалер, в глаза не видевший этих мужчин, решается отомстить за возлюбленную. Обидчики были застрелены. Раскрывать дело было непросто — по этому преступлению даже шел подозреваемый, который сознался в убийстве — накануне у него был конфликт с убитыми. Напугался чего-то и сознался. Алиби у него не нашлось, все было против него, даже явку с повинной написал. Однако после стало понятно, что он не совершал убийство — в показаниях путался, во время следственного эксперимента ничего показать толком не смог. Позже вышли на след настоящих убийц, восстановив реальную картину событий.

— Вы трудитесь в Следкоме уже 10 лет. Все это время вы следователь только на работе? Когда снимаете форму, то становитесь просто женщиной, или все же специальность накладывает отпечаток на обычную жизнь?

— Не все так просто. Бóльшую часть времени мы находимся на работе. И даже когда уходим, голова забита мыслями о службе, ведь это бесконечный процесс: как правильно выстроить ход дела, что предпринять для раскрытия. Мой муж — пожарный, поэтому все понимает: и ночные выезды, и частые дежурства. Однако дома все равно удается расслабиться. Каблуки, маникюр, дружеские посиделки — для меня это все так же много значит. При любой профессии очень важно оставаться женщиной.

Женщина всегда остается женщиной. Фото: Юлия Ушакова, ИА IrkutskMedia

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

— Что можете назвать в работе следователя самым сложным?

— Просто так никому ничего не дается. Необходимо трудиться. И самодисциплина. Не сказала бы, что это очень сложно, но без нее следователи не смогут работать. Мы по закону самостоятельные процессуальные лица: сами планируем свою работу, сами ее выполняем. Нас контролируют, безусловно, но не каждый шаг. Что сделал — доложи. Поэтому очень важно уметь себя организовать.

— Что больше всего любите в своей профессии?

— Мне не стыдно смотреть в глаза обществу. Другими словами, я точно знаю, что мое дело приносит пользу, и я свою работу делаю качественно. Поэтому совесть чиста и перед собой, и перед людьми. Еще мне нравится, что можно постоянно повышать свой уровень профессионализма — с каждым периодом службы начинается новый этап. Например, сейчас я занимаюсь раскрытием преступлений прошлых лет — это дела, которые когда-то не раскрыли. За последние полгода три таких уголовных дела были направлены мною в суд.

Елена Васильева. Фото: Юлия Ушакова, ИА IrkutskMedia
https://irkutskmedia.ru/news/1252612/

18 Марта 2022

Адрес страницы: https://irk.sledcom.ru/folder/878917/item/1673416

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области